

**Васильева С.П.**  
**Красноярск**

#### **ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЧЕЛОВЕК»**

Связь лексического и грамматического в слове, соотношение лексического и грамматического в системе языка составляет основной отличительный признак лексико-семантического уровня языка. Важнейшим признаком, конституирующим языковую картину

мира лексическими средствами, являются различные парадигматические группировки слов, называемые недифференцированно «семантическими полями».

Понятие «семантического поля» было введено в научный обиход последователем В.Гумбольдта Йостом Триром в 20-30-е гг. XX в. Идея исследования понятийного содержания языка через лексику и грамматику была новой, т.к. задача подобного исследования сводилась к выяснению особенностей и форм языкового мышления носителей языка [Уфимцева, 1988: 136].

Большой вклад в разработку понятия поля и структуризацию словарного состава языка по семантическим полям внес Ю.Н.Караулов [Караулов 1976], который в связи с разработкой нового словаря предложил новое понимание семантического поля. По наблюдениям Ю.Н. Караулова, слово не есть отражение действительности, «способом отражения является поле». [Караулов, 1976: 269]. Метод поля рассматривается Ю.Н. Карауловым как исследовательская процедура применительно только к лексическому уровню в связи с построением структуры идеографических словарей. «Базой идеографических словарей всегда считалась ономастиология, представляющая собой такой аспект изучения семантики, когда исходным является некоторое понятие, идея или намерение, а предметом анализа – пути и средства её выражения» [Караулов, 1976: 19] В монографии «Общая и русская идеография» Ю.Н.Караулов приводит 14 определений поля как «единицы» лексико-семантической системы, 9 определений по свойствам и 8 определений по принципам внутренней организации, в результате анализа которых он выделяет следующие свойства поля: 1) связь его элементов; 2) системный характер связей (либо парадигма, либо набор корреляций, либо сеть понятийно-логических отношений); 3) взаимоопределяемость элементов (иногда взаимозаменяемость); 4) самостоятельность семантического поля (выражающаяся в его целостности, а следовательно – принципиальной выделяемости); 5) специфичность в разных языках (историческая обусловленность, неповторимость национальных особенностей внешних связей полей друг с другом). Представления о поле в различных теориях колеблются от признания поля «единицей смысла» (Кривченко) до объявления его «эвристическим приемом» (Рупп) [Там же: 33 – 34]. В рамках поля проявляется несколько уровней абстракции при переработке, хранении и передаче семантической информации. На более высоком уровне абстракции «смысловые связи между словами объясняются наличием в их составе общих единиц смысла или сходством структуры их комбинаций, что не всегда доступно непосредственному наблюдению и интуиции. На одном из более низких уровней, предшествующем заключительным этапам порождения текста (речи), в качестве единицы уже выступает слово, как некая образно-мыслительная единица. Слова группируются в сознании говорящих в семантические поля на основе тематической близости или на основе принадлежности к одной области логических понятий их референтов. На этом уровне абстракции смысловые связи между словами одного семантического поля определяются ассоциативными связями между обозначаемыми» [Кривченко, 1973: 100-101].

Принцип поля может быть применен к анализу топонимов как лексических единиц. «Структурирование ономастического поля, выявление его системных параметров и является этой генеральной типологией, на основании которой можно построить частные описания ономастических категорий и парадигм» [Супрун, 2000: 16].

Наиболее плодотворным является анализ семантических полей на трех уровнях: собственно семантическом, мотивационном и уровне культурной символики. [Березович 2004: 5]. В русле этнолингвистического подхода Е.Л.Березович было осуществлено описание

народной топонимии Русского Севера, в её исследовании семантические модели объединяются в семантические поля, которые, накладываясь друг на друга, создают семантическое пространство топонимии. «Иерархическая цепочка *семантика отдельного топонима* → *семантическая модель* → *семантическое поле* позволяет представить структуру семантического пространства топонимии» [Березович, 1998: 67; курсив Е.Б.].

Объектом изучения является топонимия Приенисейской Сибири. Задача статьи – выявление ментальных представлений, выраженных в топонимическом поле **Человек**. Для изучения своеобразия ментальных представлений сибиряка нами применена следующая последовательность анализа: топоним → апеллатив или антропоним → семантическая модель → мотивационная модель → семантическое поле.

Объективированность народной топонимии обусловлена социальным характером этих знаков, их связью с культурно-историческими фоновыми знаниями, содержанием внерационального, чувственно-эмпирического знания. Семантический и ономаσιологический анализ топонимических единиц в пределах поля **Человек** позволит выйти на уровень ментальных представлений.

Современные исследователи в зависимости от имеющегося материала располагают для выявления глубинной семантики слова и его ментальных смыслов следующим набором способов, отмеченных В.В. Колесовым: на основе внутренней формы слова, его парадигматических и синтагматических связей, словообразовательных, категориальных и стилистических особенностей [Колесов, 2002: 23-25]. Таким образом, мы видим, что поле является хорошо приспособленной единицей для семантического анализа, на основе которого можно решить задачи ментального уровня.

Спецификой топонимического поля, определения его границ является возможность представить топонимическое поле как пучок ассоциаций на слово-стимул, выраженное «метаденотатом» [Караулов, 1976: 114]. Для топонимического поля границы заданы набором представленных в наших материалах единиц народной топонимии Приенисейской Сибири. Задача статьи – выявление ментальных представлений о самом себе, транслированных через топонимию.

Рассмотрим топонимическое поле **Человек**.

В ономастике ведущее место по содержанию знаний о человеке занимает, безусловно, антропонимия. «Антропоним представляет собой тот языковой знак, который можно назвать предельно антропоцентрическим, максимально приближенным к человеку» [Голомидова 1988, 64]. Топонимия содержит прежде всего информацию о пространстве, воспринимаемом человеком, используемом человеком. В восприятии и репрезентации пространственных и других представлений человека значительное место занимает антропоморфизм, а следовательно образное представление о предметах окружающего мира. Поэтому топонимия занимает не последнее место по содержанию информации о мировидении человека и его преобразующей деятельности.

В наших материалах поле **Человек** представлено группами названий на основе общности их мотивационной модели: *мужчина – женщина; тело человека*. В данном случае мы сознательно исключаем из поля *духовную и социальную сферу* человека, ограничивая анализ физических аспектов жизни человека.

Мотивационная модель *мужчина – женщина*.

Гендерный аспект в лингвистике рассматривался на различном материале под разным углом зрения. В частности, В.А. Маслова выделяет три направления исследований: 1) социальная природа мужских и женских языков; 2) особенности речевого поведения; 3)

когнитивный аспект различий. [Маслова, 2001: 125] «Женский» язык считается маркированным, а мужской соответствующим литературной норме. [Там же]. Для русской ментальности характерно стиливое «двоение» женского образа на *бабу* и *женщину*, при этом «неверно лишь утверждение, что только *баба* является «идеознтической характеристикой», а *женщина* якобы перевод или калька. Женщина – именно идеальная сущность бабы, концепт формируется в XVI в. в полном соответствии всем прочим «двоениям» смыслов (*правда* – *истина*, *честь* – *совесть* и пр.)» [Колесов, 2004: 215] В лингвокультурологии были предприняты попытки описать ментальный образ женщины по данным паремий [Телия, 1996: 260 - 269; Кирилина, 1997], в психолингвистике – описание гендерных особенностей ассоциативного поведения [Горошко, 2003: 22 - 34]. В топонимии попытка пронаблюдать реализацию обобщенных образов мужчины и женщины предпринята Е.Л. Березович. Ею отмечена довольно яркая прорисовка образа женщины (бабы) в структуре географического пространства с его анатомическими деталями, что предполагает номинативное авторство мужчины. Раритетность *мужских* названий объясняется тем, что «мужчине принадлежит весь мир за пределами деревни с её *бабыми* прудами, ручьями и болотами, поэтому номинации, задействующие образ мужчины, обладали бы недостаточными дис-тинктивными возможностями». [Березович, 1998: 46]

Образ мужчины в топонимии Приенисейской Сибири представлен прежде всего отантропонимическими топонимами, несущими информацию о людях, активных субъектах, осваивающих и преобразующих пространство, «встраивающихся» в него. Присвоить объекту имя человека значило продемонстрировать «свое», отметить пребывание на данной территории. Антропонимические основы в русской топонимии Приенисейской Сибири составляют большую часть основ, по сравнению с другими топоосновами. Этот факт свидетельствует, прежде всего, о времени освоения Приенисейской Сибири (с XVII в.), во-вторых, о социальной и геополитической обстановке освоения новых земель. В исследованиях топонимии Пинежья Г.Я.Сими́на отмечает более позднее появление названий географических объектов по признаку принадлежности, т.е. по отношению к лицу, к человеку. Ссылаясь на А.М. Селищеву, исследователь отмечает, что два эти типа названий, по физико-географическим свойствам (А) и по отношению к лицу (Б), противопоставлены и по времени образования: топонимы типа А более ранние, топонимы типа Б более поздние. Еще одна важная особенность распределения по типам, отмечаемая Г.Я.Симиной: названия типа А выступают как характеристики угодий общественного землепользования, «вотчины», а названия типа Б – по преимуществу индивидуального участка, расчистки [Сими́на, 1980, 23]. В Енисейской губернии участки распределялись в индивидуальное пользование. Об этом можно судить по документам, в частности, Окладной книге Енисейской губернии, где делались записи **распределяемых** земель, получаемых во временное пользование за плату. Географические названия отантропонимического происхождения составляют большую часть топонимикона Приенисейской Сибири. Это обусловлено главной целью миграции крестьянства и служилых людей в Сибирь – получить землю. С этим связывались легенды о «беловодье», т.е. свободных землях. В трудных условиях, шаг за шагом осваивались необъятные пространства, и первый мотив номинации – это дать свое имя месту, «присвоить». Поскольку освоение Приенисейских земель шло с севера, в названиях северных рек отмечаются комплексы отантропонимических названий, свидетельствующие о связи с тем или иным человеком: Данилков, руч. пр. р. Яковлевка (Тас.); Михайловка, руч. пр. р. Яковлевка (Тас.)

В основе топонимов зафиксировано множество имен и фамилий. Остановимся на то-

понимах, образованных от имен. В этой группе топонимов выделяются следующие семантические модели:

Поссесивы от православных полных мужских имен: Емельян – Емельяново, оз. в ; Захар – Захарово поле; Исай – Исаев, руч.; Исаев, руч.; Иван – Ивановка, д.; Кирилл – Кириллов, руч. Тас.; Аверьян – Аверина, р. л.пр.Ен.; Ларион – Ларионов, руч. басс Ен.; Михаил – Михайловка, руч.; Михай – Михеева, р. пр р. Воры; .; Николай – Николаева пасека.; Петр – Петровка, р. пр. р. Сургутиха; Савелий – Савельевка, р. басс. Ен.; Сава – Савинская, р. басс. Ен.; Савинский, пережат на р. Ен. бл. устья р. Савинской; Савинский, о. на р. Ен. бл. устья Савинской; Сергей – Сергеево, д.; Сидор – Сидоров, руч. л. пр. Усолки; Симон – Симоновский, затон на р. Ен.; Степан – Степанов, руч. пр. р. Усолки, Степанова речка; Тарас – Тарасова гора; Ульян – Ульяновское, оз. бл. п. Емельяново; Федор – Фёдоров, руч. п.пр. Ен.; Фирс – Фирсова, р. пр. Ен.; Яков – р. Яковлевка; Назар – Назарово, д. бывш.; Никита – Никитина, р. пр.р.Дубчес.

Поссесивы от уменьшительных, неполных мужских имен: Андреяшка – Андреяшкина, речка; Афонька – Афонькина забока; Вася – Васин, руч.; Ганька – Ганькины, поля ; Данилка – Данилков, руч. пр. р. Яковлевка; Иванец – Иванцов Крест, пресеч. дорог; Иванушка – Иванушкин, ручей; Игнашка – Игнашкина мельница на р.Есауловке; Костя – Большой Костинский, о. на р. Ен.; Кирилка – Кирилкина, р.; Кирюшка – Кирюшка, р.; Колян – Колянов покос; Лаврик – Лавриковы бугры, возв.; Мишка – Мишкина пасека; Никишка – Никишкина мельница, покос; Парфей –Парфеев перекоп; Петя – Петины поля; Петрак – Петраково поле; Сенька – Сенькина, р. пр. Ен. бл. д. Татарск; Сенька – Большой Сенькин, руч. пр. р. Караульной; Степаха – Степаха, р. л. пр. Ен.; Тасей – Тасеева, р.л.пр.Ангары; по имени местного князя Тасея.

По имени и отчеству: Петропавловская ГЭС, озеро и водоотводная труба – (ирон., по имени управляющего Лукьянова Петра Павловича); Захар Павлыча, лог (Захар Павлыча конь растрепал).

Поссесив от семейного прозвища: Порфирий – Поршата – Поршачья, мельница.

Перенос семейных прозвищ: Давлетов – Давлята, поле; Капрал – Капралята, п.у. Прозвища на -ата, -ята, образованные от фамилии, имени или прозвища главы семьи, обозначали членов семьи, чаще всего детей.

Мужские отантропонимические названия преобладают в количественном отношении, что говорит об активной социальной роли мужчины в освоении земель.

Образ женщины в топонимии представлен следующими номинативными моделями:

Перенос личного имени: Солоха, р.; Ирина, ур. В основе номинации лежит пропозиция, ситуация, легенда, иногда утраченная и подкорректированная со временем: *На этой реке жила Солоха. В этом урочище погибла молодая женщина Ирина.*

Перенос прозвищного женского имени на –иха: Аксютиха, покос (*здесь косила Аксютиха*).

Перенос гидронима на –иха: Пашиха, прот. Чулыма (*по имени удачливой рыбачки Паши*).

Перенос ойконимов на –инк(а), -овк(а), -евк(а): Варваринка, ост. п.; Ларисовка, д. не-сущ.; Марьевка, д.; Татьяновка, д.

Поссесивы от женских крестильных имен: Грушечий лог – есть два варианта объяснения: 1) *Грушу нашли повешенной в этом логу*; 2) *стояла пасека Груши*. Второе является более обыденным, первое носит характер легенды, связывающей название с трагическим событием. Степень достоверности того и другого примерно равны.

В рамках этой семантической модели название могло быть мотивировано ролью женщины в семейной и хозяйственной деятельности: Маринкино, с.; Марфина гора, покос; Марын, руч. л.пр.Ен.; Матрёнинский, о., перека́т на р. Ен.; Ольгино, с.; Ольгино, оз.; Ольгино, д.; Таскино, с.; Ховрино, д.

Матронимический поссесив: Ховричево, поле. Матроним на *-ич* мог принадлежать сыну вдовы, т.е. мать оказывалась главой семьи, что и фиксирует матронимическое прозвище.

Перенос женских прозвищных топонимов, образованных от мужских имен и фамилий: Ангутиха, р. пр.р. Турухан; Амосиха, курья, прот. Ен.; Бакланиха, р.;Бараниха, р. п.пр.Ен.; Большая Фатьяниха, р. пр р Фатьяниха; Генералиха, гора ; Киселиха, р.,л.пр. Ен.; Калобари́ха, прот. Ен.; Карасиха, р., пр Ен.; Карабари́ха, р.; Борисиха, р. п. пр. Ен.; Глотиха, р.; пр Ен.; Горошиха, д.; Гусиха, оз.; Данилиха, р., оз. басс Ен.; Денисиха, р. пр. Ен.; Жербажиха, д.; Журавлиха, жд. ст.; Кóбьячиха, оз.; Мангутиха, р. пр. Ен.; Мироеди́ха, р. пр. р. Ен.; Пакулиха, р. л. пр. Ен.; Поташиха, р.; Пучеглази́ха, р.,; Платони́ха, дорога в д. Петровка; Потапи́ха, мельница; Соколи́ха, дорога в д.Петровке; Сарафани́ха, р. пр р. Ен.; Сарчи́ха, р. л. пр. Ен.; Селивани́ха, р. пр. Ен.; Селивановская, коса на р. Ен.; Сумарочи́ха, р. пр. Ен. бл. д. Сумароково; Сургути́ха, д., р. п.пр. Ен.; Сухари́ха, д., р. пр. Ен.; Тюмени́ха, р. л. пр. Ен.; Фатья́ниха, р. пр. р. Ен.; Ферисеи́ха, р. пр. Ен.; Шадры́ниха, р. пр. Ен.; Шурни́ха, р. пр. р. Дубчес.

В русской ономастике суффикс *-иха* является продуктивным в группах женских прозвищ и гидронимов. В номинациях на *-иха* грамматический род названий географических терминов и женский отфамильный или прозвищный антропоним совпадают. В данной модели это необходимое условие.

Метонимический перенос женских антропонимов с суффиксом *-иха* на объекты, обозначенные терминами мужского и среднего рода: Андрони́ха, поле; Гордеи́ха, поле, ручей; Гуси́ха, хребет; Зуди́ха, лог; Лопати́ха, руч.; Марчи́ха, руч. пр.Ен.; Фади́ха, долина на р. Усолке между деревнями Среднее и Нижнее; Федосеи́ха, поле бл. с. Петропавловка; Филати́ха, поле бл. д. Петропавловка ; Хромати́хин, коло́к бл. д. Петровка.

Влияние семантической модели на *-иха*: Базаи́ха, р. пр. Ен.; Баи́ха Верхняя, р., с. (Бай-яха – река рода Бай); Баи́ха Нижняя, р. пр. р. Тур., с.

#### **В рамках семантической модели поссесивов выделяются женские (бабы) названия:**

*Бабы* топонимы обозначают место в пределах деревни или вблизи неё: Баби́й пляж, место на р. Каче; Бабы́ купальня, место купания женщин. [Васильева 2005: 27]

*Девичьи* названия хранят информацию о трагической ситуации, связанной с местом:

Девичий затон – утонуло несколько девочек; Девичий лог – заблудились и замерзли несколько девушек.

Схожие мотивы наблюдаются в топонимии Русского Севера: у *бабьих* топонимов отмечается коннотация *близости* по отношению к наблюдателю, находящемуся в пределах деревни, и использование их для номинации водных объектов, ручьев, болот (предполагается связь с остаточной архаической моделью *река (вода) - женщина*). [Березович 1998: 48]

Фреймовая семантическая модель: Барыш́ня, руч. л.пр.Усолки; Ку́кла, р.

Женские модели в сравнении с мужскими отантропонимическими моделями отличаются большим разнообразием, среди женских отантропонимических, кроме поссесивной модели, актуализирована модель переноса имени или прозвища на географический объект. Женские отантропонимические названия более поздние. Женское имя в топонимии

свидетельствует о выдвигании женщины в связи с потерей мужа (вдовство) или его болезнью, неспособностью кормить семью. Например, названия на *-иха* обозначают жену по имени или фамилии мужа, мать семейства, жену или вдову. Семантика *мужских* топонимов, сводится к отношениям владения, хотя изначально, как мы предполагаем, ситуации номинации и в этой группе были более разнообразными, но нивелировались со временем.

Мотивационная модель *тело человека* представлена названиями, мотивированными анатомическими терминами. Мотивирующими основами для топонимации послужили следующие апеллятивы: *нога, пуп, язык, ребро, щеки, кость, волосяной покров (лысая), бородавка, бок, гузно*.

Отножка, кл. (несколько). *Отнога* – ответвление горного хребта, его отрог; ответвление долины; рукав реки, её приток; узкий залив озера; начало, исток реки.

Дуныкин пуп, возв. (несколько). *Пуп* – возвышенное место; то же в Среднем Поволжье; остров леса в Ленинградской области; *пуп, пупыш* – «кочка», «бугорок». Пуп в Горьковской области; Пупозеро в Ленинградской области. [Мурзаев, 1984: 466]

Тёшин язык, крутой, опасный поворот дороги (несколько). *Тещин язык* – петля на горных дорогах Северного Кавказа. Э.М. Мурзаев считает анатомическим термином в географической терминологии [Мурзаев, 1984: 646]. Ребра, остров на Енисее, скалистая площадь, напоминающая ребра. *Ребро* – ребристые бока кряжа, где камень вышел гребнями, ребрами [Даль IV, 1955: 87]. Щеки, скалистые берега в нижнем течении Подкаменной Тунгуски. *Щеки* – скалистые обрывистые высокие берега реки, сужающие долину, где резко увеличивается скорость течения воды; обычно образуют ущелья, каньоны, сжимающие с двух сторон реку; утесы, расположенные друг против друга по обе стороны реки Костоватая, гора. *Кость* – подводный камень на море. *Костливо* – каменисто; *костливый* берег – скалистый берег. Анатомический термин. [Мурзаев 1984: 294] *Кость и камень* – уподобление по признаку твердости, образ основы, скелета человека, возможно, антропоморфный макрообраз: камни – кости земли. Лысанка, гора. *Лысая гора* – вершина которой лишена лесного или кустарникового покрова. Бородавкино, поле, неровное. *Бородавка* – небольшая шишка на теле, кожный нарост, обычно роговатой наружности; подобная шишка на растениях. [Даль I 1955: 116] Боковой, луг; Боковое, д.; Забока, место; Дальняя забока. *Бок* – сторона предмета; грань; у каждой вещи есть верх и низ, остальные внешние плоскости называются боками; если же исключить зад и перед, то будет два бока, правый и левый. [Даль I 1955: 109] В терминологическом значении: *бок* – берег реки, сторона (Центральный р-н) [СРНГ 1968: 2]. *Горло*, узкое место. Метафорический географический термин *горло* в значениях «ущелье, по которому проложена дорога в горах», «горный проход», «проток», «устье реки», «морской пролив» Безгузов мостик, труднопроходимое место. *Гузно* – зад и низ чего, задница человека и животного; живот. [Даль 1955 I: 406] (См. Таблицу 1).

Таблица 1.

| № | Тип объекта         | Топоним                  | Апеллятив | Семантическая модель | Ментальный смысл |
|---|---------------------|--------------------------|-----------|----------------------|------------------|
| 1 | ключ                | Отножка                  | нога      | ответвление, рукав   | пространство     |
| 2 | Луг, деревня, место | Боковой, Боковое, Забока | бок       | в стороне от центра  | пространство     |
| 3 | берега              | Щеки                     | щека      | узкий                | пространство     |
| 4 | узкое место         | Горло                    | горло     | узкий                | пространство     |

|    |                |             |           |                            |                       |
|----|----------------|-------------|-----------|----------------------------|-----------------------|
| 5  | возвышенность  | Дунькин пуп | пуп       | неровность                 | <i>ландшафт</i>       |
| 6  | остров         | Ребра       | ребро     | неровность                 | <i>ландшафт</i>       |
| 7  | поле           | Бородавкино | бородавка | неровность                 | <i>ландшафт</i>       |
| 8  | гора           | Костоватая  | кость     | твердый                    | <i>почва</i>          |
| 9  | гора           | Лысанка     | лысый     | голый (без растительности) | <i>растительность</i> |
| 10 | мостик         | Безгузов    | гузно     | плохой                     | <i>опасность</i>      |
| 11 | крутой поворот | Тещин язык  | язык      | опасное место              | <i>опасность</i>      |

Каждая семантическая модель выражает какую-либо ментальную характеристику.

**Пространство:** 1) расположение в пространстве (Боковой, Забока, Отножка); 2) узкий проход (Горло, Щёки). **Ландшафт:** 1) неровность ландшафта (Ребра, Бородавкино поле, Дунькин пуп). **Почва:** 1) твердость (Костоватая гора). **Растительность:** отсутствие растительности (Лысанка, гора). **Опасность:** 1) крутой поворот (Тёщин язык); 2) плохой проезд (Безгузов мостик).

Данные названия представляют собой образные характеристики объектов, основанные на переносе значений.

Итоги: ядром поля **Человек** являются названия от антропонимов, представленные мотивационной моделью *мужчина – женщина*. Мужские топонимы передают ментальный смысл **свой**. Женские топонимы детализируют пространство, освоенное мужчиной. На периферии поля – названия, мотивированные анатомическими терминами. Антропоморфные наименования даны различным географическим объектам, они выражают следующие ментальные понятия: **пространство, ландшафт, почва, растительность, опасность**.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Березович Е.Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 1998.
- Березович Е.Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей / Вопросы языкознания, 2004, № 6.
- Васильева С.П. Образ пространства по данным топонимии / Сибирский субэтнос: Культура, традиции, ментальность: Матер. Всероссийской научно-практической конф. На сайте sib-subetnos.narod.ru 1 марта – 1 декабря 2004 г. Вып. 1. Красноярск, 2005.
- Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. – Екатеринбург, 1998.
- Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма / Методология современной психолингвистики: Сборник статей. М. – Барнаул, 2003.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I – IV. М., 1955.
- Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
- Кирилина А.В. Стереотипы биологического пола в языке / XII Междунар. Симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание и образ мира». М., 1997
- Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002.
- Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб, 2004.
- Кривченко Е.Л. К понятию «семантическое поле» и методам его изучения. Филол. науки, 1973, № 1.
- Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. 2001.



14. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
15. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография. Волгоград, 2000.
16. Сими́на Г.Я. Географические названия (По материалам письменных памятников и современной топонимики Пинежья). – Л.: Наука, 1980.
17. СРНГ - Словарь русских народных говоров. М., Л. 1965 – 1967; Л., 1969 – 1986. Вып. 1-21.
18. Телия В.Н. Русская фразеология. М., 1996.
19. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.

© Васильева С.Д., 2005